

**Библиотека журнала
«Российский колокол»**

Сергей Попадюк

**Очерки
смутного времени
1985–2000**

**ИЗ ДНЕВНИКА
БЫВШЕГО «ШЕСТИДЕСЯТНИКА»**

Москва
Интернациональный Союз писателей
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
П57

Составитель А. Лямина

Серия: Библиотека журнала «Российский колокол»
П57 Попадюк Сергей: «Очерки смутного времени 1985–2000». — М.: Интернациональный Союз писателей, 2019. — 160 с. (Библиотека журнала «Российский колокол»).

Сборник публицистических очерков посвящен периоду, известному у нас как «перестройка» и «лихие девяностые». Личные, непосредственные впечатления среднего москвича (не политолога, не экономиста) от происходивших в те годы событий чередуются с попытками их осмыслить на фоне отечественной истории. Теперь, когда пройденный с тех пор путь отделил нас от этого периода, многие из тогдашних размышлений могут показаться наивными или спорными, часто не совпадающими ни с официальной, ни с оппозиционной точкой зрения. Однако искренность автора, его стремление найти свое место в новой истории России делают предлагаемую книгу своеобразным памятником прошедшего времени. Читатель найдет здесь немало поводов согласиться или поспорить с автором.

16+

ISBN 978-5-00153-096-1

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

© Сергей Попадюк, 2019
© Интернациональный Союз писателей, 2019

Попадюк Сергей Семенович

Старший научный сотрудник Государственного института искусствознания. Кандидат искусствоведения, член Союза московских архитекторов, советник Российской Академии архитектуры и строительных наук.

Автор ок. 70-ти научных публикаций, в т.ч. монографий Теория неклассических архитектурных форм. М., «Эдиториал УРСС», 1998. (14 а.л.) и Неизвестная провинция: Историко-архитектурные исследования. М., «Эдиториал УРСС», 2004. (40,5 а.л.), а также книг Черновик и комментарий: Записки искусствоведа. М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. Кн. 1–3 (80 а.л.) и Без начала и конца. М., «БИБЛИО-ГЛОБУС», 2014 (56 а.л.) и Кивни, и изумишься. М., «ВРЕМЯ», 2019. Кн. 1–2.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Объективный» взгляд на историю – иллюзия научного историзма. На историю вообще нельзя «смотреть», нельзя изучать ее как некий внеположный нам объект: мы *внутри*, мы занимаем в ней определенное место и, следовательно, неотделимы от нее.

Мы стоим в этой истории не как в безразличном пространстве, где можно было бы произвольно вставать на точки зрения и позиции. Эта история – сама образ и способ, каким мы стоим и идем, каким мы суть.

Хайдеггер. Европейский нигилизм.

Изучать историю – значит изучать себя в ней, а изучать себя можно только действуя.

Всякая история – современная история... она – осознание собственной деятельности в тот момент, когда она осуществляется. История, таким образом, – самопознание действующего сознания.

Коллингвуд. Идея истории.

Поэтому представление об истории как о застывшем, окаменевшем, раз и навсегда данном чередовании экзотических «эпох», «стилей», «типического» должно быть замечено представлением о динамическом *единстве духовного опыта*.

Опыт прошлого мы познаем лишь постольку, поскольку осознаем его как *наш* опыт, и в этом смысле прошлое, вопреки Гегелю, преподает нам определенные «уроки» (или, вернее, мы сами извлекаем из него эти уроки), равно как и само не остается неизменным, постоянно равным себе, но изменяется, тяжелеет смыслом, актуализируется по мере того, как мы накапливаем опыт. Углубляясь в прошлое, мы создаем нечто новое, изменяющее нас и нашу действительность. История не

«изучается», она *конструируется*. Мы только и делаем, что *создаем свое прошлое*.

Ну, а если живешь в настоящем (которое когда-нибудь станет прошлым) и, весь во власти сегодняшних событий, тревоги, проблематичности неизвестного будущего, стараешься *уже сегодня* предвосхитить завтрашнее воссоздание, переосмысление этого настоящего? Может быть, это удастся, а может, и нет. Но сама попытка совсем не бесплодна. Во всяком случае, она так или иначе останется достоянием нашего духовного опыта.

30.11.1985. Взялись «перестраивать» советское общество. Шабаш торжествующей справедливости в газетах. Да не верю я вам! Сажают и расстреливают мелких воришек, а их хозяева – государственные преступники почище нюрнбергских – спокойно уходят на пенсию.

Ничему я не поверю, пока такие, как Гришин, не предстанут перед открытым судом. А они не предстанут. Просто – одна мафия сменяет другую.

Перестройка

Больной, страдающий пляской святого Витта, на минуту приходит в себя, обводит окружающих взглядом и заявляет: «Товарищи, товарищи, мы ошибались...» Как будто окружающие сами не видят, что он даже коробка спичек не в состоянии взять в руки. Но они-то тут при чем? Почему, собственно, «мы»?

Мы тебе не товарищи, сволочь!

Не беспокойтесь, мы не снимем с себя ответственность, не станем отрешиваться от своей истории, которую вы таки вытоптали под себя, но и вы, будьте добры, скажите прямо, что именно вы, вы первые, отвечаете за все: за неисчислимые бесполезно загубленные жизни, развал экономики, тотальное воровство, коррупцию, алкоголизм, бескультурье, апатию. Ведь это вы, засирая людям мозги, затыкая рты, не допуская никакой критики в свой адрес, затащили страну в этот тупик, из которого, несмотря на все ваши заверения, нет выхода.

...Влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход, где дорога?

Гоголь. Мертвые души. I.10.

«Перестройка начинается с каждого!» Ишь ты, оказывается, только за нами дело стало. Да мне-то, например, некуда и незачем «перестраиваться», я-то всегда выкладывался полностью, на совесть, почти ничего не получая взамен. Это вы, дармоеды, вредоносная бестолочь, перестраивайтесь... куда-нибудь подальше.

И эта ваша «гласность», милостиво *разрешенная сверху!* Глаза нам позволили открыть? Привлечь к «серьезному обсуждению наболевших проблем»? Да мы эти проблемы давно между собой обсудили. А вот попробуй кто-нибудь, выскажи самую простую и очевидную для всех истину, известную в нашей стране последнему забулдыге: что дело-то, собственно, не в «забвении ленинских норм», не в «уклонении от ленинского курса», а в самих этих нормах и в самом этом курсе, – попробуй, и узнаешь настоящую цену этой «гласности».

Сколько бы объективной правды ни было в их словах, мы-то знаем, к чему они клонят и каков их подлинный умысел; в этих мнимых апостолах правды и добра мы с полной, абсолютной явственностью видим бесстыдных или в лучшем случае соблазненных слуг сатаны, духа насилий и убийств, лжи и нравственного разложения, дикого произвола и животной тупости.

С.Л. Франк. Крушение кумиров.

А между тем без серьезного всеобщего гласного признания этой истины вся ваша «перестройка» останется пустым звуком. Это – единственный шанс. Нет другого способа выбраться из тупика, как только вернуться к его началу.

Эскапада

28.05.1987. Восхищаюсь Матисом Рустом. Ей-богу, это поступок века! Одной озорной, легкомысленной выходкой мальчишка вдребезги разнес важнейший гранитный устой нашей государственности. Все то, на чем держалось наше представление о непобедимой мощи советских вооруженных сил, о неприкосновенности границ и святынь, наше почтение к великим тайнам укрепления обороны, сжирающего до трети валового национального продукта, необходимость содержать огромную дармоедку-армию, существование бесчисленных учреждений военного ведомства, всевозможных секретных «ящиков», целой привилегированной касты людей с лампасами, никому не подвластных и никем не контролируемых, увешанных орденами за выслугу, надутых генеральской спесью и непререкаемым самодовольством, пропаганда, парады, атмосфера официальной серьезности, нагнетание страха, глухие угрозы, рекламные фильмы про ракетчиков и десантников, – все то, чему постоянно приносятся в жертву наши жизненные интересы, – все было разоблачено, все оказалось вдруг тем, чем и было в действительности, – блефом, *туфтой*.

* * *

Армия, в сущности, мало чем отличается от «гражданки». Она – естественное продолжение создавшего ее общества или, вернее, его модель, в которой характерные для данного общества отношения предстают в упрощенном, огрубленном, выпукло-наглядном виде. «Из всех соединений, – говорит Толстой, – в которые складываются люди для совершения совокупных действий, одно из самых резких и определенных есть войско». Поэтому границу, отделяющую армию от «гражданки», очень даже ощущаешь, когда пересекаешь ее *туда*, но совсем не замечаешь, пересекая ее *обратно*. Это потому, что возвращаешься оттуда уже ученым, уже знающим подлинную цену всему, что видишь вокруг себя.